

ТЕМА НОМЕРА

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2

EDN: LNVOFN

Казачество в современной России: обретение социального статуса¹

Ссылка для цитирования: Денисова Г. С., Ковалёв В. В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN

For citation: Denisova G. S., Kovalev V. V. Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN

AuthorID РИНЦ: 76864

Денисова Галина Сергеевна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

dgsrostov2013@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 345032

Ковалёв Виталий Владимирович¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

vitkovalev@yandex.ru

Аннотация. В современном российском обществе наблюдается трансформация социальной структуры. Заметное место в этом процессе занимает группообразование казачества. Возрождение данной социальной группы на протяжении всего постсоветского периода порождает полярные интерпретации: от характеристики казаков в социальном качестве «ряженных» до носителей российской воинской культурной традиции в современном обществе. Значение социального статуса казаков усиливается в условиях современных геополитических вызовов и поисков российским социумом собственной идентичности.

¹ В данной статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Госзадания Минобрнауки «Научно-методическое и ресурсное обеспечение мероприятий, направленных на реализацию Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» № СЗ-445-00/476 от 28.07.2022 г. Номер внутренней регистрации ЮФУ Г30706/22-05-ИС.

Цель статьи – определить основания группообразования казачества и те ожидания, достижение которых, с точки зрения казачества, необходимо для сохранения и укрепления группы. Методологическая основа работы – идеи акторно-сетевой теории Б. Латура. Гипотезой эмпирического исследования выступает предположение о том, что процесс группообразования казачества прошёл ряд этапов от воссоздания элементов народной культуры до имплементации служебной функции исторического казачьего сословия в жизнь современного общества с размытыми границами социальных слоёв. Участие войсковых казачьих обществ в Специальной военной операции внесло коррективы в адаптацию культурных паттернов служебной функции казачества. Проверка гипотезы осуществлялась с применением массового опроса по методике анкетирования в тринадцати войсковых казачьих обществах. Результаты опроса показывают поддержку большинством казачества, включая часть нереестровых казаков, основных направлений Стратегии государственной политики в сфере казачества. Вместе с тем, были выявлены также ожидания казаков от государства адаптации традиционных паттернов казачьего воинского служения к условиям современного общества и требованиям воинской службы. Готовность казаков к движению в этом направлении выявили практики образования добровольческих казачьих подразделений, участвующих в СВО. Однако эта низовая инициатива казачьих обществ нуждается в ресурсном обеспечении государства как доминирующего актора процесса возрождения казачества: учреждения казачьих подразделений в соответствии с традицией казачьей воинской службы в структуре Национальной гвардии; иное наполнение образования молодёжи в казачьих школах с более выраженным воинским компонентом; воссоздание традиционных казачьих лагерей для регулярной военной подготовки реестровых казаков и др. Такого рода служебная деятельность реестровых казаков потребует также разработки соответствующих преференций и льгот в адрес реестрового казачества.

Ключевые слова: казаки, казачество, возрождение, группообразование, Латур, социальный статус, воинская служба, историческая память, казачьи общества

Введение

Распад СССР и стихия новой социальной самоорганизации привели к глубокой трансформации социальной структуры российского общества. Сходили со сцены, казалось бы, устойчивые и массовые социальные группы, которые позиционировались как социальные субъекты – рабочий класс, колхозное крестьянство; общество деклассировалось, приобретало маргинальные характеристики. На авансцену выдвигались новые социальные агрегации, претендующие на яркую социальную субъектность: этнокультурные и религиозные сообщества, торговцы, олигархи, «челноки», бюджетники, политические партии, социально-политические движения. По мере эволюции социально-политических отношений в 1990-е гг. – первое десятилетие XXI в. какие-то из этих новообразований растворялись в общем потоке социальной жизни, какие-то укреплялись и становились опорами новой системы самоорганизации. Перед исследователями социальной жизни разворачивался процесс группообразования по неклассическому образцу, в основании которого лежали не функционально-профессиональные действия группы, а идентичность и перформативные действия. По про-

шествии трёх десятилетий можно выделить логику этого процесса. Большой интерес при этом представляет казачество, группообразование которого наблюдается со второй половины 1980-х гг., как воссоздание давно, казалось бы, исчезнувшей социальной группы.

Старт этому процессу был задан политикой перестройки. Казачество формировалось как общественное движение при участии и поддержке региональных партийных организаций (в первую очередь в Ростовской области) и разворачивалось преимущественно в сфере культуры – организация фольклорных фестивалей, художественных выставок, установление памятников, организация военно-исторических клубов с казачьей тематикой в разных городах России [21; 17]. По мере активизации политических процессов движение казачества приобретает политическое оформление. В июне 1990 г. в Москве проходит Большой учредительный круг, на котором объявлено о создании Союза казаков, принимается его Устав. Исследователи полагают, что при большой государственной поддержке казачьего движения основным его источником была низовая инициатива потомков казаков [17, с. 131]. В первой половине 1990-х гг. происходит укрепление правового статуса казачьих организаций, их включение в электоральные процессы, создаются также коммерческие организации с казачьими названиями. В 1994 г. принимается Постановление Правительства РФ «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», а в 1995 г. – Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», в котором было определено главное направление возрождения казачества – воссоздание системы реестровых казачьих войск, подчиненных главе государства и выполняющих государственную и иную службу на благо Родины. К 1997 г. было зарегистрировано Минюстом РФ 18 организаций казаков, 4 из которых международные, 2 общероссийские и 12 межрегиональных.

В настоящее время организационно казачество представлено Всероссийским казачьим обществом с разветвлённой структурой казачьих организаций по всей России. Однако проблема статуса казачества не нашла однозначного решения до настоящего времени. Далеко не все казаки согласились вступать в общества, которые регистрировались в Государственном реестре. По критерию отношения взаимодействия с государством казаков можно разделить на реестровых и нереестровых. К первой группе относятся те, кто проявляет социально-политическую активность, стремится восстановить казачество в его служебной роли, адаптированной к условиям современного государства (что и прописано в Реестре), и создали свои организации в соответствии с государственными стандартами. Ко второй группе относятся казаки, создавшие самостоятельные общественные организации (или вообще не входящие ни в какие объединения, но идентифицирующие себя как казаки), выступающие против усиления государственного влияния на них. По неофициальным данным на 2003 г., в 83 субъектах РФ было зарегистрировано около 600 малочисленных казачьих организаций, большая часть из которых не соответствует нормам регистрации в Реестре. По экспертным оценкам, численность этих двух групп примерно одинакова [13]. Вместе с тем государственной поддержкой (включая награж-

дения, утверждение в казачьих воинских званиях) пользуются реестровые казаки, поскольку они включены в систему государственной службы и заняты в выполнении общественных функций, определяемых региональными органами власти.

Принятая в 2020 г. «Стратегия государственной политики РФ в отношении казачества на 2021–2030 гг.»¹ определяет российское казачество как многонациональную социальную общность, основой которой является русский народ и которая сложилась в ходе многовекового служения казачества российскому государству и обществу. В Стратегии указываются социальные и культурные характеристики казачества. При этом доминирует акцент на служебно-корпоративном характере казачества: казачьи общества определяются как те, которые внесены в Государственный реестр и которые добровольно приняли на себя обязательства по несению государственной и иной службы. Эта позиция утверждается в таком направлении государственной политики, как «привлечение членов казачьих обществ к государственной и иной службе, выполнению отдельных государственных задач в соответствии с законодательством РФ и договорными обязательствами казачьих обществ»². Нереестровые казаки сохраняют свою идентичность, привержены казачьей культуре, заняты повседневной деятельностью, но при определённых условиях (например, изменении норм численности организаций для регистрации в Реестре или изменении принципов взаимодействия с региональными и муниципальными органами власти) могли бы пополнить численность реестровых казаков.

Вместе с тем возвращение к служебно-корпоративному статусу казачества в настоящее время остается проблематичным, не совпадает с историческим опытом этой группы и не сопровождается восстановлением утраченных преференций. Тем самым имеет место какой-то иной характер формирования данной группы, при котором историческое прошлое играет определённую, но не всеобъемлющую роль. Цель данной работы – определить основания группообразования казачества и те ожидания, достижение которых, с точки зрения казачества, необходимо для сохранения и укрепления группы.

Обзор литературы по проблематике исследования

Анализ состояния современного казачества можно сгруппировать по нескольким направлениям: социокультурного возрождения, самоорганизации казачьего движения, служебной деятельности казаков.

Вопросы социокультурного возрождения казачества рассматривались М. Г. Артамоновой [1], Н. Ф. Бугай [2], С. М. Маркедоновым [12], О. В. Рвачевой [17], Т. С. Рудиченко [18], Т. В. Таболиной [20], Н. О. Щуп-

¹ Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в отношении казачества на 2021–2030 гг.». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008090004>

² Там же.

ленковым, О. В. Щупленковой [23] и др. Учёные обратили внимание на ритуалистичный характер возрождения социокультурных традиций казаков, доминирование празднично-фестивальных тенденций в этом процессе. В качестве самостоятельной темы этого направления выступает анализ конструирования казачьей идентичности (включая развитие казачьего образования) и воспроизводства казачьей культуры [15; 9].

Самоорганизация казачьего движения стала предметом исследования в трудах Н. В. Горбуновой [4], Е. И. Дулимова [5], К. М. Кусмарцева [10], А. Г. Масалова [13] и др. В период суверенизации автономных республик РФ казаки также рассчитывали на создание автономной республики. Однако анализ политического процесса в 1990-е гг. показал, что практически ни одна из идей, выдвинутых для организации казачьей автономии, на практике реализована не была. Правовой статус современных казачьих войсковых обществ ничем не отличает их от прочих элементов гражданского общества. Они не интегрированы в муниципальную власть и ещё больше дистанцированы от власти региональной. У них нет функций публичных органов власти, а любые контакты с государством проводятся по тем же правилам, которые адресованы другим общественным организациям.

Служебная деятельность казаков изучалась И. Ю. Ерохиным [6], А. В. Житенёвым [7], Г. О. Мациевским [14], А. А. Озеровым [16], А. Ю. Соклаковым [19] и др. Лейтмотив исследований можно свести к выводу о том, что реализация служебной деятельности в том виде, как она предложена государством, не соответствует ожиданиям казаков. Казачество не рассматривается государством как самостоятельный субъект в реализации защитной и правоохранительной функций и фактически не имеет соответствующих полномочий для реализации этих функций. Авторы подчеркивают, что казачьи организации растворились в структурах гражданского общества.

Ряд работ посвящен комплексному анализу современного состояния казачества, преимущественно Юга России (В. Ф. Шевченко [22], В. П. Водолацкий [3]). В них показываются проблемы, связанные с разделением казаков на реестровых и нереестровых; трудности развития фермерских хозяйств казаков, охранные функции реестровых казаков и др., которые в совокупности показывают неопределенность социального статуса казачества.

Представители зарубежной науки скептически относятся к перспективе воссоздания казаков как социального слоя в России и на Украине [27], при этом подчеркивается подчиненная роль «неоказаков» «политике Кремля». Некоторые исследователи указывают на конструирование Кремлём неоказачества, которое предстает как военно-политический проект, «мобилизующий общество перед лицом якобы новых внешних угроз» [26, с. 4]. Эта позиция конкретизируется американским исследователем Р. Арнольдом, который рассматривает казаков в качестве «жёсткой» и «мягкой» силы во внешней политике Кремля. Опираясь на исторические материалы, он раскрывает военизированные функции казаков, за выполне-

ние которых они обеспечивались привилегиями со стороны государя. И эта функция, по наблюдениям исследователя, в настоящее время значительно усилилась. Казаки проявились как «жесткая» сила России в различных «горячих точках» на постсоветском пространстве (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Крым, Юго-Восточная Украина); и одновременно как «мягкая сила», призванная объединить казаков за рубежом, создать для них центр духовного притяжения в Новочеркасске – столице Донского казачества [24]. Чешский социолог Т. Баранек отмечает всё возрастающую роль казачества в решении местных, региональных и геополитических задач российского государства, обращая внимание в том числе на казачьи школы, благодаря которым «группы молодых людей воспитываются в соответствии с официальной государственной идеологией, чтобы стать будущей военной и полицейской элитой государства» [25, с. 11].

В то время, как Р. Арнольд акцентирует внимание на том, что в России казаки используются для продвижения приверженности традиционной культуре на международном уровне, французский исследователь Л. Петиньо на примере постмайданной Украины показывает другой ракурс социальной роли казачества. Он считает, что на Украине на первый план выдвинута коннотация казачества как движения за демократию. Сущностный смысл казачества связывается не с культурными особенностями и традициями, а с образом жизни, в котором доминирующий тренд – военная самоорганизация для борьбы с врагом [28].

Даже беглое освещение обсуждения проблемы современного казачества отечественными и зарубежными исследователями свидетельствует о расхождении в оценках казачества как явления в жизни современного общества. Исследователи расходятся в оценках источников формирования казачества как социальной группы, её статусных позиций и потенциальных возможностей реализации собственной социальной субъектности. Комплекс этих вопросов в совокупности требует осмысления казачества в логике группообразования в условиях современного общества.

Методология и методы

В основу анализа казачества как социального явления в России постсоветского периода были положены идеи АСТ-теории Б. Латура. Несмотря на то что акторно-сетевая теория (АСТ) осуществляет радикальный методологический разрыв с привычными для социологической науки парадигмами и направлениями, мы рискнём использовать здесь её отдельные термины и концептуальные представления, поскольку она позволяет рассмотреть процесс группообразования с некоторой «нулевой», исходной точки. Свой интерес к изучению группообразования Б. Латур объяснял тем, что в этом процессе образуются социальные связи, которые оставляют больше следов, чем уже стабилизированные, которые являются «безмолвными и невидимыми» для исследования. Сами же группы выступают «строительным блоком общества». Латур полагает, что исследование раз-

ногласий по поводу характеристик группы в дискуссиях позволяет выявить индикаторы, очерчивающие границы группы, и «производственный механизм», необходимый для обеспечения её жизнеспособности. Механизм группообразования можно отследить через взаимодействие нескольких категорий акторов: а) представителей самой группы, которые определяют, кто они есть, кем были и кем должны стать; кто принадлежит к группе и по каким признакам; б) представителей, выступающих от имени группы и её руководителей, привлекающих ресурсы для укрепления границы группы, что делается разными способами, в том числе через апелляцию к традиции и праву; в) «профессионалов с высокоспециализированным оснащением», к числу которых относятся социологи, журналисты, демографы, обосновывающие долгосрочность существования группы в разных сферах публичного дискурса [11]. Б. Латур рассматривает группу не онтологически как данность (остенсивно), а как постоянное и протяженное перформативное действие – выдвижение каких-либо деклараций, организации фестивалей, забастовок, перформансов (например, парадов), без которых группа распадается [11, с. 56].

Другим важным компонентом конструирования группы, который выделяет Б. Латур, являются способы использования средств для группообразования и поддержания стабильности группы: такие способы могут рассматриваться как простые «проводники» и как «посредники» [11, с. 55–64], с помощью которых группа вписывается в сеть социальных взаимодействий. Проводники – это средства, которые переносят значения и силу, не преобразуя их (в анализе конструирования казачества как группы в качестве проводников можно рассматривать, например, фольклорную и бытовую культуру казаков, традиционные нормы). Посредниками же выступают средства, которые в процессе группообразования преобразуют, изменяют или искажают передаваемые ими значения тех или иных элементов. То есть средства, используемые на «входе» группообразования, могут приобрести совершенно другое значение по мере развития этого процесса. В качестве посредника при формировании казачества можно рассматривать паттерны его служебной функции, которая не может быть воспроизведена в современном обществе в неизменном традиционном качестве. Эти изменения, связанные с переосмыслением средств-посредников, определяют трансформацию качественных характеристик воссоздаваемой группы.

Конкретизация этих изменений может изучаться эмпирическими социологическими методами. В частности, восприятие участниками группы средств-проводников, которые используются для актуализации идентификационных характеристик группы, – истории казачества и элементов его культурной самобытности, позволяют выделить устойчивые компоненты группообразования, которые воспроизводятся как элементы реальной группы или её исторической реконструкции в диахронной проекции, представленной в виде сложной эволюции российского казачества, вобравшего в себя ценности разных эпох и времён. Количественные методы сбора и анализа информации показывают идентификационные характеристики группы и одновременно позволяют выявить самопрезентацию

группы с позиции видения респондентами её границ. Другой позицией сбора информации выступает оценка участниками группы используемых средств-посредников, а именно, их интерпретация служебной функции казаков в современных условиях, а также действий лидеров группы и акторов сопровождения, обеспечивающих группообразование казачества правовыми, финансовыми и социальными ресурсами.

Гипотезой эмпирического исследования стало предположение о том, что процесс группообразования казачества, который первоначально был инициирован для воссоздания культурной специфики регионов с историческими поселениями казаков, прошёл ряд этапов, вызванных стремлением различными средствами имплементировать служебную функцию исторического казачьего сословия в жизнь современного общества с размытыми границами социальных слоёв; низкая эффективность этих усилий определялась выхолащиванием социокультурного смысла служебной функции. Новый импульс группообразованию казачества был задан изменением геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. и обострением внешних угроз в адрес России. В этих условиях инициатива консолидации казачества как социальной группы перемещается от акторов, обеспечивающих казачество ресурсами и средствами публичного сопровождения, к самому казачеству, которое адаптирует исторически сложившуюся служебную функцию к новым социальным условиям, наполняя её новым содержанием.

Социологический опрос по теме: «Социальный и психологический портрет современного российского казачества» был проведён в сентябре-октябре 2022 г.¹ коллективом учёных Южного федерального университета в рамках Госзадания Минобрнауки РФ «Научно-методическое и ресурсное обеспечение мероприятий, направленных на реализацию Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» № СЗ-445-00/476 от 28.07.2022 г. Опрос проводился в сотрудничестве со Всероссийским казачьим обществом (ВсКО).

Впервые опрос осуществлялся среди всех тринадцати войсковых казачьих обществ Государственного реестра, территориально расположенных в каждом пограничном субъекте России и в Центральном федеральном округе. На территориях расположения войсковых казачьих обществ опрашивались как реестровые, так и нереестровые казаки, идентифицирующие себя с казачеством. Выборка объемом 2480 чел. (1103 из них – нереестровые) репрезентирует взрослое население 13 войсковых казачьих обществ по полу, возрасту и территории расселения. В общем объеме выборки 1418 чел. (57,2%) – мужчины, 1062 чел. (42,8%) – женщины. Возрастная структура выборки: 18–23 года – 22,9%, 24–35 лет – 16%, 36–50 лет – 36,5%, 51–60 лет – 20,2%, старше 65 лет – 4,4%. В процессе опроса все параметры выборки контролировались на местах представителями войсковых казачьих обществ.

¹ Опрос респондентов проводился средствами интернет-панели Анкетолог: anketolog.ru. Собранный материал обрабатывался с помощью программы SPSS, версия 26.0.

Формула, используемая при расчете:

$$SS = \frac{Z^2 * (p) * (1-p)}{C^2}$$

где:

SS – выборочная совокупность;

Z = Z фактор (0,3 для 99,7% доверительного интервала);

P = процент интересующих респондентов или ответов, в десятичной форме (0,3);

C = доверительный интервал, в десятичной форме.

Результаты исследования

Изучение «следов» группообразования казачества, которые в избытке были оставлены различными акторами (лидерами казачества; акторами, обеспечивающими казачество ресурсами, в первую очередь органами государственной власти, СМИ, социологами), позволило выявить три этапа формирования этой группы. Первый этап (мемориальный) можно датировать серединой 1980-х – началом 1990-х гг., когда произошла реконструкция исторического образа казачьего сословия, его роли в Российской империи и начала осмысливаться трагедия расказачивания. Второй этап датируется началом 1990-х гг. – 2012 г., когда происходило осмысление статуса казачества, учреждение региональных казачьих организаций, заявления со стороны различных казачьих обществ о готовности защищать православное население на постсоветском пространстве и инициативное участие в «горячих точках». В 2008 г. была принята «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества». Утверждение этого документа свидетельствовало о том, что в группообразование казаков включилось государство в качестве актора, обеспечивающего этот процесс необходимыми ресурсами. В данном документе сделан акцент на государственной службе казаков, основы которой были заложены Указом Президента РФ о создании системы учета казачьих обществ¹ и Федеральным законом «О государственной службе российского казачества»². Вместе с тем процесс группообразования приобрёл бюрократический характер и обнаружил проблемный элемент – разделение казаков на реестровых и нереестровых, который стал смысловым и знаковым индикатором очерчивания групповых границ для самого казачества. Начало третьему этапу было положено утверждением в 2012 г. Президентом России В. В. Путиным «Стратегии государственной политики РФ в отношении казачества до 2020 г.», в которой было сформулировано доктринальное видение социальных позиций казачества. Они определялись привлечением казаков к государственной службе

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1995 г. № 835-ФЗ «О Государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (в актуальной редакции) // Российская газета. 1995. 12 августа.

² Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (в актуальной редакции) // Российская газета. 1995. 8 декабря.

и рядом социокультурных функций. В настоящий момент действующей является «Стратегия государственной политики РФ в отношении казачества на 2021–2030 гг.»¹ (далее – Стратегия), в котором на первый план были выдвинуты социально-служебные характеристики казачества, связанные с обеспечением национальной безопасности. Казачьи общества определяются как те, которые «внесены в Государственный реестр казачьих обществ и которые добровольно приняли на себя обязательства по несению государственной и иной службы». А целью государственной политики в отношении казачества «является содействие консолидации российского казачества, сохранению, развитию, использованию духовного наследия и культуры казачества для обеспечения реализации его потребности в служении обществу посредством формирования эффективного механизма привлечения казачества к несению государственной или иной службы, участию в решении на основе общественно-государственного партнерства государственных задач в интересах национальной безопасности» (п.10).

Доминирование государства в группообразовании казачества с точки зрения определения целей этой группы, выделения различных ресурсов на её реализацию, содействие учреждению организационной структуры казачества, в частности созданию Всероссийского казачьего общества, региональных государственных казённых учреждений (например, «Кзаки Дона» в Ростовской области) для обеспечения взаимодействия органов государственной власти региона и казачьих обществ с целью реализации задач Стратегии – несколько заглушает голоса самих казаков, их социальные ожидания, их идентичность и видение ими границ своей группы.

Анализ публичного дискурса относительно социального статуса казачества позволил выделить три ключевые проблемы, с которыми связан процесс группообразования: реализация возрождения казачества, роль в этом процессе государственной политики, отношение казаков к традиции воинской службы и участию в специальной военной операции. Эти проблемы были положены в основу инструментария социологического опроса.

1. Оценка реализации возрождения казачества

Собранный материал показал, что наибольшее число респондентов считают, что процесс возрождения казачества находится в активной фазе (41,5%), при этом какие-то позиции возрождаются, «какие-то – нет» (20,2%). Немногим менее пятой части респондентов (18,4%) полагают, что возрождение только начинается, а 15,1% указывают, что в своей исторической форме казачество не может быть воссоздано. Конкретизация этих позиций потребовала оценить различные аспекты рассматриваемого процесса. В качестве переменных для оценок были выдвинуты такие важные индикаторы казачьей идентичности, как «восстановление народной куль-

¹ Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/> (дата обращения: 23.03.2023).

туры (фольклор, ремесло и др.)», «восстановление самоуправления в местах компактного проживания казаков», «восстановление готовности к военной службе». По переменной «народная культура» процесс возрождения признан казаками относительно результативным. На это указали более 80% всех опрошенных, хотя среди мужчин позитивные оценки на 10 пунктов ниже, чем среди женщин. По переменной «самоуправление в местах компактного проживания казаков» позитивная оценка значительно ниже. Так, достаточным его признали 34,2% опрошенных, недостаточным – 42,3%, очень слабо реализованным – 19,4% и невозможным к восстановлению – 4,2%. Это объясняется тем, что казакам так и не удалось добиться восстановления традиционных казачьих инструментов самоуправления в статусе реальных органов муниципальной власти. Современное законодательство России в данном аспекте имеет унифицированный характер, не делая поправок на исторические особенности, в том числе те, которые были в казачьих регионах. И в этом случае на оценки оказал влияние гендерный фактор: достаточным возрождение казачьего самоуправления посчитали лишь 26,5% мужчин, что значительно ниже, чем оценка женщин, – 44,4%. Позитивная оценка мужчин обратно пропорционально возрасту респондентов: чем старше возраст, тем ниже оценка реализации самоуправления. По переменной «готовность к военной защите Родины» ситуация оценивается респондентами как наиболее благоприятная. Так, достаточным возрождение казачества признали 56,3% опрошенных, недостаточным – 34,0%, очень слабо реализованным – 8,3% и невозможным к восстановлению – 1,4%. Гендерные различия не повлияли на оценку.

Респонденты-мужчины выделили три наиболее значимых фактора, тормозящих возрождение казачества: «недостаточная поддержка государства» (45,5%), «скептическое отношение к этому процессу общества» (43,4%), «бюрократизация структур управления казачеством» (42,8%). Четвёртая позиция в иерархии факторов – «отсутствие специальных казачьих воинских подразделений в составе вооружённых сил или национальной гвардии» (37,6%).

2. Оценка роли государственной политики в процессе группообразования измерялась по ряду переменных

В их числе: разделение казачества на реестровое и нереестровое; удовлетворённость казаков деятельностью юридически установленных направлений государственной службы; оценка роли Всероссийского казачьего общества как инструмента централизации войсковых казачьих обществ.

Введение Государственного реестра для регистрации казачьих обществ вызвало поляризацию идентификационных позиций среди казаков. В соответствии с законодательством регистрация осуществляется по инициативе казачьих обществ. Согласно Приказу Минюста РФ от 13 октября 2011 г. № 355 определён перечень документов, необходимых для регистрации казачьего общества в Госреестре. В состав этих документов входят персональные «сведения о членах казачьего общества, принявших на себя обязательства

по несению государственной или иной службы», а также «сведения об обязательствах по несению государственной или иной службы, принятых членами казачьего общества, отражённых в уставе казачьего общества по согласованию с федеральными органами исполнительной власти» и заявление самого казачьего общества. Перечисленные в Реестре казаки общества получают право на несение государственной службы.

Примерно половина респондентов (48,6%) согласны с тем, что на основании Реестра осуществляется организация государственной службы. Это объясняется тем, что каждый член казачьего общества, включённого в Реестр, письменно фиксирует обязательства, что заверяется юридически. Тем самым внесение казачьего общества в Государственный реестр выступает формой контракта государства с обществом, в котором закрепляются условия привлечения казака к государственной и иной службе. Треть респондентов указали также на то, что включение в Реестр актуализирует формирование самосознания казаков и выступает основанием для организации воспитательной работы с казачьей молодёжью. Для мужчин основной смысл внесения в Реестр состоит в привлечении к государственной службе. Однако около 15% респондентов (преимущественно мужчин) рассматривают Реестр как механизм подчинения казаков государственной власти. Более половины опрошенных считают, что казаки, вошедшие в состав реестровых казачьих организаций, значительно отличаются от тех, которые отказались от такой стратегии; и требуется интеграция реестровых и нереестровых казаков на платформе Госреестра. Однако четверть респондентов уклонились от ответов на эти вопросы (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

«Как Вы считаете, обязательна ли интеграция нереестровых казаков в состав обществ, входящих в Государственный реестр?», %

Do you find obligatory that the integration of non-registered Cossacks into the organisations included in the state register?, %

Варианты ответа	Мужчины			Женщины		
	Всего N=1143	Реестр N=860	Н/реестр N=283	Всего N=626	Реестр N=258	Н/реестр N=433
Да	61,9	63,5	57,2	65,8	72,4	27,6
Нет	38,1	36,5	42,8	34,2	62,1	37,9

Успешность участия казаков в реализации задач, поставленных государственной политикой, оценивалась по направлениям: 1) восстановление культуры казачества, включая историческую память и социализацию молодёжи; 2) реализация природоохранной деятельности на территориях расселения казаков; 3) реализация различных аспектов функции защиты государства и обеспечения порядка. В наибольшей степени респондентов удовлетворяет сохранение культурных традиций и фольклора, на поддержание и развитие которого выделяются федеральные и региональные средства по направлению реализации государственной поддержки казачества. Этим направлением реализации государственной политики полностью и частично удовлетворены 88,4% респондентов. Немногим ниже результат по другим направлениям:

78,5% – участие казаков в сфере обеспечения правопорядка в городах и селах; 70% – участие в охране государственной границы; 74% – участие в предупреждении межнациональных и религиозных конфликтов; 70% – участие в обеспечении противопожарной безопасности; воспитание казачьей молодёжи – 80%; организация воинской службы – 72%; восстановление исторической памяти – 81,6%. Вместе с тем если выделить из всего массива респондентов только мужчин, на долю которых приходится основная роль в сфере несения различных видов службы, то оценки оказываются иными. Более четкая фокусировка возникает при сравнении ответов «полностью удовлетворён» и «не удовлетворён». Сравнение этих крайних полюсов показывает, что группа не удовлетворённых по всем направлениям (исключая сохранение культурных традиций) соизмерима с группой, удовлетворённой степенью вовлечения в эти сферы деятельности (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

«В какой степени Вы удовлетворены деятельностью казаков в следующих сферах?», %
To what extent are you satisfied with the activities of Cossacks in the following areas?, %

Сфера деятельности	Полностью удовлетворён	Не удовлетворён
1. Восстановление культуры казачества		
Сохранение культурных традиций и фольклора	40,6	10,5
Восстановление исторической памяти	31,1	19,1
Воспитание казачьей молодёжи	30,8	20,7
2. Природоохранная деятельность		
Обеспечение защиты природы и животного мира	24,3	23,9
3. Защита Отечества и общественного порядка		
Обеспечение правопорядка в городах/селах	31,4	20,4
Организация воинской службы казаков	28,7	24,2
Участие в охране государственной границы	27,9	20,9
Достижение межэтнического мира и предупреждение межнациональных и религиозных конфликтов	28,2	16,6
Обеспечение противопожарной безопасности	25,6	19,8

Общий уровень неудовлетворённости казаков уровнем вовлечения в реализацию этих направлений государственной политики превышает пятую часть респондентов. Дифференциация негативных ответов («не удовлетворён») по возрастному индикатору позволяет чётко выделить целевую группу критично настроенных казаков. Она формируется преимущественно из состава казаков старше 35 лет. В трёх возрастных группах старше 35 лет уровень неудовлетворённости участия в каждом из направлений государственной политики в совокупности составляет более 70%.

Организация работы с казачеством по всем направлениям государственной политики предполагает укрепление централизации управления, в целях которого в 2019 г. было создано Всероссийское казачье общество (ВсКО). Интеграция казачества рассматривается как одна из главных проблем, по которой в настоящее время не достигнут консенсус среди казаков. Основное

большинство опрошенных казаков и казачек (72%) позитивно оценивают деятельность ВскО. Но среди респондентов-мужчин в два раза больше, чем среди респондентов-женщин, тех, кто не видит особых успехов в деятельности ВскО для казачества. Также среди казаков в два раза больше распространено мнение о том, что ВскО – это бюрократическая структура. Дифференциация респондентов-мужчин по возрастным группам показала критический настрой около 40% казаков старше 35 лет в оценке деятельности ВскО. Общее число опрошенных казаков в возрасте старше 35 лет составляет 800 чел., из них критически оценили деятельность ВскО 25,6%. Как зеркальное отражение – невысокая поддержка этой группой деятельности ВскО в сфере реализации воинского потенциала казаков как элемента Национальной гвардии (в разной степени позитивно оценили эту деятельность 45%).

3. Отношение к организации воинской службы и участию в СВО – третья важная проблема группообразования для казачества

Подавляющее большинство респондентов (83,9%) высказались в пользу нормативности воинской службы. При этом среди мужчин почти треть (30,3%) выделили её как нравственную максиму для казаков. Среди реестровых казаков эту максиму поддерживают на 8% больше, чем среди нереестровых (32,6% / 24,1%). Рассмотрение воинской службы как социокультурного признака казачества характерно для возрастных групп старше 35 лет. Представители младшей возрастной группы (18–23 года) рассматривают её в качестве профессиональной деятельности. Определение воинской службы как культурной характеристики казаков косвенно свидетельствует о сохранении ожиданий восстановления её традиционной формы, важнейшим элементом которой является формирование воинских подразделений по территориям проживания, войсковым казачьим обществам. Но по Временному положению о Государственном реестре казачьих обществ (до октября 2013 г.) организовывать в своём составе военизированные объединения и вооружённые формирования казачьи общества не имели права. С 2011 по 2014 г. казаки направлялись на воинскую службу в воинские подразделения, имеющие наименование «казачьи». До настоящего времени вопрос о казачьих воинских подразделениях так и не решён.

По результатам опроса большая часть респондентов-мужчин ориентирована на традиционно казачий территориальный принцип организации воинских подразделений казаков; женщины отдают предпочтение современной форме службы в армии. Мужчины в возрасте 18–23 лет отдают предпочтение службе по общепринятому стандарту, на что указали 62,7%. Но чем старше возрастная группа, тем более выражена установка на прохождение службы в казачьих подразделениях (т. е. в соответствии с казачьей традицией): в группе 24–35 лет на это указали 53,9%; в группе 36–50 лет – 67,4%; в группе 51–65 лет – 68,7%; старше 65 лет – 70,1%. Чётко проявилось различие позиций при расчёте собранного материала по казачьему статусу: реестровые казаки выступают за территориальный принцип организации воинских казачьих подразделений; 60% нереестровых выступают за призыв в любые подразделения российской армии, и чуть более 40% – за территориальный принцип.

Начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. актуализировало обсуждение военных вопросов в среде казаков. Основное большинство респондентов (57%) указали на то, что в их окружении полностью поддерживают СВО и еще 27,8% отметили позицию «большинство поддерживают». При этом более половины указали на то, что знают тех казаков, кто участвует в СВО, в составе воинских подразделений; более 30% – на то, что знают казаков, которые вошли в состав казачьих подразделений («Дон», «Кубань», «Терек», «Енисей»). Среди реестровых казаков такие ответы встречаются чаще. В частности, указали на полную поддержку СВО в своей среде 67,8%. Почти 70% указали на то, что среди знакомых есть те, кто участвует в СВО в составе воинских подразделений, и еще 50% – в составе казачьих подразделений. Более трети опрошенных в группах реестровых и нереестровых казаков и казачек указывают на то, что в их среде Указ Президента РФ о частичной мобилизации вызвал тревогу и опасения, которые выражаются по-разному: от открытых высказываний до молчаливого уклонения от обсуждений. Респонденты из реестровых казаков в два раза выше проявляют готовность к участию в боевых и вспомогательных военных действиях в СВО в сравнении с нереестровыми казаками. Здесь следует подчеркнуть, что и в ответах на этот вопрос выявилось предпочтение участвовать в боевых действиях в составе казачьих подразделений (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

«Какие формы участия в СВО приемлемы для Вас?», по полу и казачьему статусу, %
What forms of participation in Special Military Operations (SVO) are acceptable to you?, by gender and Cossack status, %

Варианты ответа	Мужчины		Женщины	
	Реестр N=1038	Н/реестр N=380	Реестр N=330	Н/реестр N=723
Моральная поддержка	36,8	41,3	46,3	47,4
Гуманитарная помощь через общественные организации	46,1	39,7	61,7	56,7
Личное участие во вспомогательных (тыловых) частях для охраны общественного порядка и реализации других функций на контролируемых Россией бывших территориях Украины	47,6	30,5	20,9	14,0
На передовой в составе воинских соединений российской армии	25,8	17,6	7,1	6,5
На передовой в составе специальных казачьих воинских отрядов	36,6	19,5	7,7	5,9
В качестве инструктора при подготовке бойцов	12,0	11,1	6,5	4,0
Я не намерен(а) ни в какой форме участвовать в СВО	1,7	6,3	3,8	5,4
Затрудняюсь ответить	7,0	12,1	8,8	15,1
Всего ответили	100,0	100,0	100,0	100,0

Боевые действия в период СВО можно рассматривать как «пробный камень» для осмысления казаками своей роли в жизни современного российского общества. Представляется, что восстановление казачества не только как конгломерата общественных организаций, но как сообщества людей, которые, опираясь на культурно-историческую традицию, добровольно взяли на себя миссию защиты Отечества и актуализируют необходимость участия в СВО. В этом контексте осмысливается вопрос об ожиданиях от участия в СВО. При этом водоразделом позиций казаков (в меньшей степени – казачек) и в этом случае выступил казачий статус. Реестровые казаки, кроме ожиданий общегосударственного уровня и видения необходимости воссоединения русских на исторических территориях (т. е. задачи этнокультурного масштаба), возлагают надежды на то, что участие в боевых действиях будет способствовать решению собственно казачьих задач: единения и централизации войсковых казачьих обществ, утверждения необходимости казачьих воинских подразделений для России. Эти задачи давно стоят на повестке дня процесса возрождения казачества. СВО создала условия для их реализации в практической плоскости. Результаты опроса показывают, что около 30% реестровых казаков ожидают, что эти задачи найдут положительное решение. Нереестровые казаки в заметно меньшей степени рассматривают участие в СВО как контекст для решения вопросов, актуальных для возрождения казачества (табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

«Какие ожидания у казаков от участия в СВО?», по полу и казачьему статусу, %
What are the expectations of Cossacks regarding their participation in Special Military Operations (SVO)?, by gender and Cossack status, %

Варианты ответа	Мужчины		Женщины	
	Реестр N=1038	Н/реестр N=380	Реестр N=330	Н/реестр N=723
Послужить России и отстоять её суверенитет	61,8	52,4	64,3	57,5
Обеспечить воссоединение русских на исторических территориях России	39,6	29,5	27,1	20,5
Объединить войсковые казачьи общества в структурно организованную военную силу России	30,3	18,9	15,3	13,7
Утвердить необходимость для России казачьих военных подразделений	27,3	21,3	18,6	11,5
Нет каких-то особых ожиданий, отличных от поставленных государством задач	11,7	21,1	13,3	19,5
Всего ответили	100,0	100,0	100,0	100,0

Расчёт собранного материала по этому вопросу по возрастному принципу выявил установки служения у казаков в возрасте 24–65 лет. Представители этих возрастных групп ориентированы в первую очередь на служение России, воссоединение русских на исторических территориях проживания и уже во вторую очередь – на решение проблемы воинской самоорганизации казаков.

Заключение

Возрождение казачества в России на протяжении всего постсоветского периода вызывает полярные интерпретации: казаков определяют от «ряженных» до носителей российской воинской культурной традиции в современном обществе. В течение первого десятилетия современного группообразования возрождение казачества проходило в контексте борьбы различных политических сил. Под их влиянием лидеры казачьих обществ выдвигали программные заявления политического характера. Социологическую интерпретацию этого явления дал Л. Ионин, определив его как «культурную инсценировку», когда внешняя сторона возрождаемой культурной формы является более важной, чем сущностная, доктринальная, а сами участники инсценировки «живут не своей собственной жизнью» [8, с. 250]. Однако, по мнению Л. Ионина, применительно к казачеству этот процесс проходит не под флагом фундаментализации культурного стиля, а в форме «становления социальных и групповых идентичностей с одновременной институционализацией и формированием политических интересов» [8, с. 290]. Историко-культурное разнообразие казачьих обществ усложняло этот процесс, поскольку само казачество трансформировалось на протяжении истории, что ставило под вопрос доктринальную основу казачества [12]. Вместе с тем многочисленные выступления и заявления казачьих лидеров в постсоветский период позволяют эксплицировать их представления о казачестве как о служивом сословии, сформировавшемся в петровский период. Именно с этого времени Российское государство стало определять организационные формы, содержание деятельности и привилегии казаков [12]. В этом историческом контексте подчинённое положение возрождающегося казачества по отношению к государству некорректно рассматривать в категориях «манипуляции» и «использования».

На протяжении всего постсоветского периода в России наблюдается процесс группообразования казаков от культурной инсценировки, которая достигалась средствами-проводниками (возрождением фольклора, костюма, исторических нарративов и др.), к поиску культурного смысла и соответствующей деятельности, придающих группообразованию завершённую форму как группы, встроенной в структуру современного общества. Этот поиск проходил под давлением внешних геополитических вызовов, которые в 1990-е гг. вызвали пробуждение патриотического самосознания на уровне низовых инициатив казаков – добровольных участников боевых действий в «горячих точках» на постсоветском пространстве. Осмысление вектора развития казачества произошло под воздействием государства как актора, который также использовал историческую память о казачестве как служивом сословии в России. В этот контекст вменяются цели Стратегии государственной политики в отношении казачества, что позволяет говорить об определённой исторической преемственности современного казачества. Результаты опроса, проведённого среди всех тринадцати казачьих войск, показывают поддержку основным большинством казачества, в том числе и значительной частью нереестровых каза-

ков, основных направлений Стратегии. Вместе с тем анализ результатов опроса выявляет также ожидания казаками ещё одного шага со стороны государства – адаптации традиционных паттернов казачьего воинского служения к условиям современного общества. Этот элемент групповой культуры не может быть воспроизведён как «проводник», т. е. в неизменной исторической форме; требуется изменение самого этого элемента (т. е. превращение его в «посредника»), что приведёт к завершению группообразования казаков. Новая форма воинской службы, адаптированной к условиям современного общества, проявляется в практике образования воинских подразделений, участвующих в СВО. К таким практикам можно отнести, например, Специальный отряд быстрого реагирования «Ахмат» в составе войск Национальной гвардии России, который сохраняет территориальный принцип организации и этнокультурные характеристики воинского контингента, не искажая современных требований к содержанию деятельности воинских подразделений. О движении в этом направлении свидетельствует создание добровольческих казачьих подразделений «Дон», «Кубань», «Таврида» и др., участвующих в СВО. Однако эта низовая инициатива казачьих обществ нуждается в ресурсном обеспечении государства как актора процесса возрождения казачества. Требуется ряд мер, в частности: изменение содержания образования молодёжи в казачьих школах в сторону более выраженного военного компонента; учреждение казачьих подразделений в структуре Национальной гвардии в соответствии с казачьими войсками; воссоздание традиционных казачьих лагерей для регулярной военной подготовки реестровых казаков. Такого рода служебная деятельность реестровых казаков потребует также разработки соответствующих преференций: социального пакета казакам-военнослужащим, льгот при поступлении в военные образовательные учреждения и др.

Опора на некоторые понятия и методологические принципы акторно-сетевой теории при интерпретации рассматриваемого процесса даёт возможность не только выявить вектор развития современного казачества как продолжающейся формироваться социальной группы, но и прогнозировать вероятную дальнейшую траекторию процесса группообразования вплоть до обретения казачеством социально-профессионального статуса, приемлемого для современного общества. Так, использование концептов «проводник» и «посредник» позволяет акцентировать различие форм бытования казачества как общности: культурно-фольклорной, когда его существование и характер функционирования остаются за гранью реальных социально-политических процессов в российском обществе, не внося в них изменений; и профессионально-служебной, когда казачество становится реальным актором этих процессов. Подчеркнём также, что эта перспектива возможна при взаимодействии всех трех акторов данного процесса – самих казаков, государства и социальных теоретиков, осмысливающих этот процесс с точки зрения конституирования и развития группы. Проведённое исследование выявило также и целевую группу данного процесса – преимущественно реестровые казаки возраста старше 35 лет.

Библиографический список

1. Артамонова М. Г. Социокультурные проблемы возрождения современного казачества // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3. С. 152–164. EDN: SOBTRZ.
2. Бугай Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 148–163. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13; EDN: TOVTNU.
3. Водолацкий В. П. Российское казачество: пути и перспективы развития. Ростов-н/Д.: Антей, 2011. 287 с. EDN: QPVWEL.
4. Горбунова Н. В. Самоорганизация казачьих сообществ России на начальном этапе движения за возрождение казачества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 6. С. 46–54. EDN: PVS RPX.
5. Дулимов Е. И. Из истории движения возрождения казачества и восстановления казачьей автономии в первой половине 1990-х годов // Юристъ-Правоведъ. 2002. № 1. С. 79–85. EDN: XROREL.
6. Ерохин И. Ю. Казачество в свете вопроса военной службы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 172–174. EDN: PZHPQV.
7. Житенёв А. В. Возрождение казачества в конце XX – начале XXI в. // Альманах мировой науки. 2017. № 3-2. С. 27–32. EDN: YLXPRT.
8. Ионин Л. Социология культуры. Изд. 4, перераб. и доп. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 427 с. EDN: QODEFR.
9. Кузеванова А. Л., Метелицкая Ю. А. Социокультурная идентификация современного российского казачества: завершен ли процесс? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 90–100. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08; EDN: YLYNTY.
10. Кусмарцев К. М. Генезис казачьего самоуправления // *Ars Administrandi*. Сб. ст. Пермь: ПГУ, 2009. С. 103–111.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ, 2014. 384 с.
12. Маркедонов С. М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108. EDN: OOVGOZ.
13. Масалов А. Г. Российское казачество в начале XXI века: политологический анализ структуры и тенденций возрождения // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 8. С. 13–19. EDN: HRMQWP.
14. Мациевский Г. О. Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности // Вестник КрасГАУ. 2011. № 10. С. 209–216. EDN: OIGGXR.

15. Михайлова Е. А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130–144. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09; EDN: YLYNUQ.
16. Озеров А. А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект). Автореф. дис. ... канд. филос. н. Ростов н/Д., 2003. 24 с.
17. Рвачева О. В. Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 90-х годов // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение, Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 124–134. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.4.13; EDN: WRQOBJ.
18. Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д.: РГК им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с. EDN: YLBVUJ.
19. Соклаков А. Ю. Организация службы российского казачества в прошлом и настоящем в научных оценках и документах // Вестник академии военных наук. 2016. № 1. С. 165–171. EDN: WZQGSN.
20. Таболина Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М.: ИЭиА РАН, 1999. 252 с. EDN: QYVMSN.
21. Чуев С. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Издательские решения, 2020. 624 с.
22. Шевченко В. Ф. Деятельность Кубанской казачьей Рады в области культуры на первом этапе возрождения казачества // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2. С. 107–109. EDN: SITYPZ.
23. Щупленков Н. О., Щупленков О. В. Возрождение казачества в новых социальных условиях: многообразие подходов // Геополитика и патриотическое воспитание. 2018. № 32. С. 8–19. EDN: YNMNET.
24. Arnold R. The Role of Cossacks in Russia's Soft Power Toolkit // PONARS Eurasia Policy Memo. 2021. № 728. URL: <https://www.ponarseurasia.org/the-role-of-cossacks-in-russias-soft-power-toolkit> (дата обращения: 23.03.2023).
25. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine // Russian analytical digest. 2014. № 153. P. 9–12.
26. Darczewska J. Putins cossacks: folklore, business or politics // Point of view. Warsaw. 2017. № 12. P. 1–64.
27. Kappeler A. Die Kosaken: Geschichte und Legenden. Munich: Verlag C. H. Beck, 2013. 127 p.
28. Petiniaud L. The Cossacks and their legacy as National Symbols in post-Maidan Ukraine. The Renewal of a Shifting National Myth. Paper presented at the ASN World Convention Columbia University, 2015, 23–25 April. URL: https://www.academia.edu/15838955/The_Cossacks_and_their_legacy_as_National_Symbols_in_post_Maidan_Ukraine (дата обращения: 23.03.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв., Южный федеральный университет
Ковалёв Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2

Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status¹

Galina S. Denisova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: dgsrostov2013@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3671-9602

Vitaly V. Kovalev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: vitkovalev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8439-3117

For citation: Denisova G. S., Kovalev V. V. Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN

Abstract. In contemporary Russian society, a transformation of the social structure is taking place. The formation of the Cossack social group is an important aspect of this process. The revival of this social group throughout the post-Soviet period has led to polarised interpretations, ranging from characterising Cossacks as “costumed” individuals to being bearers of Russian military cultural traditions in modern society. The significance of the social status of Cossacks is amplified in the face of modern geopolitical challenges and the Russian society’s search for its own identity.

The aim of this article is to determine the foundations of Cossack group formation and the expectations that, from the Cossacks’ perspective, are necessary for the preservation and strengthening of the group. The methodological framework of the study is based on the ideas of actor-network theory by B. Latour. The empirical research hypothesis posits that the process of Cossack group formation has undergone several stages, from recreating elements of folk culture to implementing the historical Cossack service function into the life of modern society with blurred boundaries between social strata. The involvement of Cossack military societies in the Special Military Operation has influenced the adaptation of cultural patterns related to the Cossack service function. The hypothesis was tested using a mass survey through questionnaire methods in thirteen Cossack military societies. The survey results show that the majority of Cossacks, including some non-registered Cossacks, support the main directions of the State Policy Strategy regarding the Cossacks. However, Cossacks’ expectations from the state include the adaptation of traditional Cossack military service patterns to the conditions of modern society and the requirements of military service. The readiness of Cossacks to move in this direction is evident in the formation of voluntary Cossack units participating in the Special Military Operation. Nevertheless, this grassroots initiative of Cossack societies requires state resources as the dominant actor in the Cossack revival process. These resources include the establishment of Cossack units in accordance with the tradition of Cossack military service within the structure of the National Guard, a different approach to the education of youth in Cossack schools with a stronger military component, and the re-establishment of traditional Cossack camps for regular military training of registered Cossacks, among other things. Such service activities by registered Cossacks will also require the development of corresponding preferences and privileges for registered Cossacks.

Keywords: cossacks, revival, group formation, Latour, social status, military service, historical memory, Cossack societies

¹ This article uses the results of the project conducted under the Government Order of the Ministry of Education and Science “Scientific and methodological and resource support of activities aimed at implementing the Strategy of State Policy of the Russian Federation in respect of the Russian Cossacks in 2021–2030 years” № СЗ-445-00/476 dated 28.07.2022, the number of internal registration SFU GZ0706/22-05-IS.

Reference

1. Artamonova M. G. Sociokul'turnye problemy vozrozhdeniya sovremennogo kazachestva [Socio-cultural problems of the revival of modern Cossacks]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2014: 3: 152–164 (in Russ.). EDN: SOBTRZ.
2. Bugai N. F. The Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019: 24: 4: 148–163 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13; EDN: TOVTNU.
3. Vodolatsky V. P. Rossijskoe kazachestvo: puti i perspektivy razvitiya [Russian Cossacks: ways and prospects for development]. Rostov-on-Don, Antaeus, 2011: 287 (in Russ.). EDN: QPVWEL.
4. Gorbunova N. V. Samoorganizaciya kazach'ih soobshchestv Rossii na nachal'nom etape dvizheniya za vozrozhdenie kazachestva [Self-organization of Cossack communities of Russia at the initial stage of the movement for the revival of Cossacks]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, 2012: 6: 46–54 (in Russ.). EDN: PVS RPX.
5. Dulimov E. I. Iz istorii dvizheniya vozrozhdeniya kazachestva i vosstanovleniya kazach'ej avtonomii v pervoj polovine 1990-h godov [The history of the Cossack revival movement and the restoration of Cossack autonomy in the first half of the 1990s]. *Yurist-Pravoved*, 2002: 1: 79–85 (in Russ.). EDN: XROREL.
6. Erohin I. Y. Kazachestvo v svete voprosa voennoj sluzhby [Cossacks in the light of the issue of military service]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013: 4: 172–174 (in Russ.). EDN: PZHPQV.
7. Zhitenev A. V. Revival of Cossacks in the late XX – early XXI centuries. *Al'manah mirovoj nauki*, 2017: 3-2: 27–32 (in Russ.). EDN: YLXPRT.
8. Ionin L. Sociologiya kul'tury. Izd. 4, pererab. i dop. [Sociology of culture. 4th ed., rev. and suppl.], Moscow, GU VSHE, 2004: 427 (in Russ.). EDN: QODEFR.
9. Kuzevanova A. L., Metelitskaya Yu. A. Sociocultural Identification of Modern Russian Cossacks: Is the Process Complete? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2017: 4: 90–100 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08; EDN: YLYNTY.
10. Kusmartsev K. M. Genezis kazach'ego samoupravleniya [Genesis of Cossack self-government]. In *Ars Administrandi. Collect. of art.* Perm, PGU, 2009: 103–111 (in Russ.).
11. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network Theory]. Transl. from Eng. by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow, NIU VSHE, 2014: 382 (in Russ.).
12. Markedonov S. M. Kazachestvo: edinstvo ili mnogoobrazie? (problemy terminologii i tipologizacii kazach'ih soobshchestv) [Cossacks: unity or diversity? (Problems of terminology and typology of Cossack communities)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2005: 1: 95–108 (in Russ.). EDN: OOVGOZ.
13. Masalov A. G. Rossijskoe kazachestvo v nachale XXI veka: politologicheskij analiz struktury i tendencij vozrozhdeniya [News of Universities. The North Caucasus region. Social sciences]. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*, 2003: 8: 13–19 (in Russ.). EDN: HRMQWP.
14. Matsievsky G. O. Vozrozhdenie rossijskogo kazachestva v konce XX v.: osnovnye istochniki i osobennosti [The revival of Russian Cossacks at the end of XX century: the main sources and features]. *Vestnik KrasGAU*, 2011: 10: 209–216 (in Russ.). EDN: OIGGXR.
15. Mikhailova E. A. Russian Cossacks: factors of self-identification. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2017: 4: 130–144 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09; EDN: YLYNUQ.
16. Ozerov A. A. Vozrozhdenie kazachestva: idei i social'naya praktika (social'no-filosofskij aspekt [The revival of the Cossacks: ideas and social practice (socio-philosophical aspect)]. Thesis ... of Cand. of Philos. Sci. Rostov-on-Don, 2003: 24 (in Russ.).
17. Rvacheva O. V. Movement for revival of Cossacks in the South of Russia in the beginning of 90-th years. *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016: 21: 4: 124–134 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.4.13; EDN: WRQOBJ.

18. Rudichenko T. S. Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii [The Don Cossack song in historical development]. Rostov-on-Don, RGK im. S V. Rakhmaninova, 2004: 512 (in Russ.). EDN: YLBYYJ.
19. Soklakov A. Y. Organization of service of the Russian Cossacks in the past and present in scientific evaluations and documents. *Vestnik akademii voennyh nauk*, 2016: 1: 165–171 (in Russ.). EDN: WZQGSJ.
20. Tabolina T. V. Kazaki: drama vrozozhdeniya. 1980–1990-e gody [Cossacks: the drama of revival. 1980-1990s]. Moscow, IEiA RAN, 1999: 252 (in Russ.). EDN: QYVMSN.
21. Chuev S. Perestroika 1985-1991 at the Don: faces, events, historical results. Moscow, Izdatel'skie resheniya, 2020: 624 (in Russ.).
22. Shevchenko V. F. Activity of the Kuban Cossack Rada in the field of culture at the first stage of the Cossack revival. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2014: 2: 107–109 (in Russ.). EDN: SITYPZ.
23. Shchuplenkov N. O. Revival of Cossacks in the new social conditions: a variety of approaches. *Geopolitika i patrioticheskoe vospitanie*, 2018: 32: 8–19 (in Russ.). EDN: YNMNET.
24. Arnold R. The Role of Cossacks in Russia's Soft Power Toolkit. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2021: 728. Accessed 23.03.2023. URL: <https://www.ponarseurasia.org/the-role-of-cossacks-in-russias-soft-power-toolkit>
25. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine. *Russian analytical digest*, 2014: 153: 9–12.
26. Darczewska J. Putins cossacks: folklore, business or politics. *Point of View*. Warsaw, 2017: 12: 1–64.
27. Kappeler A. Die Kosaken: Geschichte und Legenden, Munich, Verlag C. H. Beck, 2013: 127.
28. Petiniaud L. The Cossacks and their legacy as National Symbols in post-Maidan Ukraine. The Renewal of a Shifting National Myth. *Paper presented at the ASN World Convention Columbia University*, 2015. April 23-25. Accessed 23.03.2023. URL: https://www.academia.edu/15838955/The_Cossacks_and_their_legacy_as_National_Symbols_in_post_Maidan_Ukraine

The article was submitted on: May 17, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Denisova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History XX–XXI centuries, Southern Federal University

Vitaly V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University